

Леонид ШЕЛУДЬКО

ТРИ ВОЗРАСТА ОДИНОЧЕСТВА

1

Выкрасить волосы, выбрить виски,
брюлик в ноздрю, на запястья тату —
зверь-одиночество спрячет клыки
и убежит в темноту.

2

Когти тату отдираю от рук.
Что же со мною не то и не так,
зверь-одиночество, злобный мой друг,
зверь-одиночество, добрый мой враг?

3

Ночь вычитают часы за стеной,
стынет звезда бесприютно в окне,
зверь-одиночество, теплый, ручной,
жметя у ног и вздыхает во сне.

* * *

Баба теперь мужик.
Так поверни и так.
Бритвой по венам вжик.
Лайкни меня, чувак.
Двинуло солнце вспять.
Западом стал восток.
Лишний, как буква ять.
Лайкни меня чуток.
В тренде у них бабло.
Возле него тусня.
Если не запахло,
лайкни хоть ты меня.

Леонид Николаевич Шелудько — горный инженер-механик, родился в 1952 году в Чите. Автор книг стихов «Дорога через осень» (2005), «Бумажный голубь» (2007), «Рыжий» (2009), «Путь» (2016), «Брага» (2022). Стихи и проза публиковались в журналах «Сибирские огни», «День и ночь», «Начало века», «Слово Забайкалья», «После 12», «Нева», «Невский альманах». Член Союза писателей России. Живет в Санкт-Петербурге.

Я бы ушел в дацан,
если бы был бурят.
Лайкни меня, пацан.
Видишь, мозги горят.
Лайкни меня хоть кто,
лайкни меня скорей!

Конь в голубом пальто
скалится у дверей.

* * *

Толку нет в последнем золотом,
если сказка показала дулю.
В ключик мой и дверцу за холстом
как я верил! Как меня надули...
Папа плакал, хмурился Толстой,
у Мальвины покраснели глазки:
я отдал последний золотой,
лишь бы убежать из детской сказки.
Длинный нос укоротили враз,
попросту сломали в первой драке.
Он теперь обычный, как у вас,
и я знаю, где зимуют раки,
а еще — удобней одному.
Мне родня кедровое полено.
Ничего не должен никому,
я никто — и мир мне по колено.
Я у вас единственный такой
изо всех попавшихся навстречу.
Тыкнете рукой, или клюкой,
или словом, даже не замечу.
По колено высший свет и дно:
или банк сорву, или бомжую.
Встретил раз Мальвину в казино.
Пьяненькую. Милую. Чужую.

ЧУЖАЯ

Как будто в гости приглашая,
когда закончу я дела,
мне ветку яблоня чужая
поверх ограды подала.
Ее хозяин, ладный, крепкий,
за пару лет лишь пару раз
мелькнул на даче белой кепкой
да парой фраз.

Оправдывался, уезжая:
«С утра до ночи, как юла!»
Мне ветку яблоня чужая
поверх ограды подала.
Я ей сказал тогда всего-то:
«Ну как, красивая, дела?»
Меня ждала моя работа,
а яблоня — она цвела!

Недели в месяцы итожа,
катилось лето с высоты,
взрослее делаю и строже
природы прежние черты,
пророча время урожая,
и власть его, и страсть, и сласть.
И эта яблоня чужая
ждала-ждала и дождалась.

Трудилось солнце вполнакала,
и вполнакала я в саду.
И кепка белая мелькала.
Впервые в нынешнем году.
Ее хозяин у машины
медовых яблок полмешка
уже сложил. Лишь до вершины
не добралась его рука.
Чужую мне, он, как воровку,
как не свою, соседку тряс,
являя к этому сноровку
и зоркий глаз.
Он тряс ее и снова лапал.
Считал, что вправе, по всему.
Но прав и голубь, что накапал
на кепку белую ему.

ПЕШКА

1.

Их прикрывает грудь моя
и остальных таких, как я,
и потому пока что целы,
полны отваги и вранья
король, и вся его семья,
и конница, и офицеры.

Я пешка. Жизнь моя доска.
Я верю воле игрока,
и у меня есть все, что надо:

под гимнастеркою душа,
да «сидорок», да ППШ,
да две гранаты.

Вот-вот настанет мой черед
идти вперед. Пойду вперед,
хоть с детства ненавижу драки,
но с этой шахматной доски
бежать, сбивая каблуки?
Мой ход, вояки!

Как знать, что вражий офицер
меня разглядывал в прицел
неторопливо, будто в тире?
И я упал, едва-едва
перешагнуть успел с е2
на е4.

2.

Нам бы двинуть примерившись,
чуть погодя.
Но на поле, раскисшее после дождя,
на его черно-белые клетки
мы вломились, солдатскому долгу верны,
мы вломились, удачей былою пьяны,
напрямик, напролом, без разведки.

А за ним полустанок в дыму и огне.
Там победа, которая вечно в цене.
Из развалин на том полустанке
бьет по нашим упорная вражья артá,
разбивая и гусеницы, и борта
в черноземе увязнувшим танкам.

Я команды «назад» не услышу в бою.
Вот и пру напролом, вот и кровью плюю
на себя и на драки причину.
Догорел полустанок, горит окоем,
мы из наших остались вдвоем с королем,
и король прикрывает мне спину.

Кто-нибудь,
не бывавший ни дня под огнем,
это поле и все, что случилось на нем,
отшлифует до глянца ли, лака.
На последней черте я упал в чернозем.
Взял и умер. И тут же родился ферзем.
И над нашей победой заплакал.

* * *

Зеленый старенький вагон.
Печаль ночного перегона.
Звезда, летящая вдогон,
не отставая от вагона.
Струится холод из окна,
и одеяло от болтанки
сползает на пол. И луна,
и фонари на полустанке,
полночный бег, забытый стог,
луной облизанные ели,
и чей-то плач, и грустный Блок:
«в зеленых плакали и пели».
Чужие могут не понять
такой размах, такие дали.
Чужие могут попенять
и попинать, понять — едва ли
зеленый старенький вагон,
печаль ночного перегона,
звезду, летящую вдогон,
не отставая от вагона.